
НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Е.Н. Проскурина¹

Институт филологии СО РАН (ИФЛ СО РАН)

М. ГОРЬКИЙ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Д. МИРСКОГО²

Предмет данной статьи – восприятие творчества и личности М. Горького критиком и историком литературы Д. Мирским. В основу работы легли новые материалы из критических работ, опубликованные в сборнике «О литературе и искусстве. Статьи и рецензии 1922–1937» (М., 2014). Этот труд дает возможность проследить динамику творческого почерка Мирского-критика от эмигрантского до советского периода. Из всех персоналий советского литературного пантеона внимание сосредоточено на литературно-критических отношениях Мирского с Горьким. Выбор определен той значительной ролью, которую сыграл Горький в личной и творческой судьбе Мирского. Исследование показало: творческая личность Горького выростала в критическом сознании Мирского по мере того, как росла его роль в решении судьбы Мирского. Однако это оказалась роль и благодетеля, и невольного виновника ее трагической развязки.

Ключевые слова: литературная критика, история литературы, литературная эмиграция, Д. Мирский, М. Горький.

E.N. Proskurina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences*

M. GORKY IN THE LITERARY AND CRITICAL CONSCIOUSNESS OF D. MIRSKY

¹ Елена Николаевна Проскурина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск).

² Исследование подготовлено в рамках проекта ПФИ СО РАН № П.2П /ХП.192-1. Историческая память в художественном и документальном тексте (общероссийский и региональный аспекты).

The subject of the article is the perception of Gorky's creativity and personality by critic and literary historian D. Mirsky. New materials, critical works, published in the collection «On literature and art. Articles and reviews 1922–1937» (Moscow, 2014) made the basis of this work. This work gives the possibility to follow the dynamics of the creative handwriting of Mirsky criticism from the emigrant to the soviet period. The focus is on literary-critical relationship of Mirsky and Gorky who were chosen from all the personalities of the Soviet literary Pantheon. The choice is determined by the significant role played by Gorky in personal and creative life of Mirsky. The study showed that Gorky's creative personality grew up in Mirsky's critical consciousness as the role of Gorky grew in decision about Mirsky's fate. However, this was the role both of a patron and of an unwilling contributor to his tragic end.

Keywords: literary criticism, history of literature, literary emigration, D. Mirsky, M. Gorky.

Имя Д. Мирского (кн. Д. Святополка-Мирского, 1890–1939), поэта, историка литературы и литературного критика, привлекает все большее внимание отечественных исследователей. Хорошо известное за рубежом, на родине князя оно оказалось забытым на долгие десятилетия советской истории после его ареста и трагической гибели в конце 1930-х гг. После реабилитации, произошедшей в 1962 г., с конца 1970-х гг. в СССР начинают печататься его литературно-критические работы советского периода [Мирский, 1978; Мирский, 1987]. Лишь начиная с рубежа 1990-х гг. российские исследователи и читательская публика открывают для себя творчество Мирского эмигрантского периода [подробно см.: Перхин, 1996]. Однако во всей полноте оно не собрано до настоящего времени. Значительный шаг в этом направлении предпринят О. Коростелевым и М. Ефимовым, под редакцией которых в 2014 г. вышел объемный том литературно-критических статей и рецензий Мирского 1922–1937 гг. [Мирский, 2014]¹. Этот труд дает возможность проследить динамику творческого почерка Мирского-критика от эмигрантского до советского периода. Данная книга легла в основу предлагаемой научной статьи. Из всех персоналий советского литературного пантеона в нашей работе внимание будет сосредоточено на литературно-критических

¹ Далее цитируется по этому изданию. Номера страниц указываются после цитаты в круглых скобках.

отношениях Мирского с Горьким. Выбор определен той значительной ролью, которую сыграл Горький в личной и творческой судьбе Мирского.

Для князя Д. Святополк-Мирского годом «великого перелома» стал 1932 г., когда он вернулся на родину, покинутую в 1920 г. после поражения Белой армии, поддавшись обманчивому притяжению умозрительного образа «страны победившего социализма». Ключевая роль в истории возвращения Мирского из эмиграции принадлежала М. Горькому, по протекции которого он приехал в СССР. К этому времени у Мирского сложилась уже история литературно-критических и личных отношений с Горьким.

В эмигрантский период имя Горького нередко появляется на страницах рецензий Мирского, посвященных отечественной литературе. Однако чаще всего это беглые упоминания в контексте других имен. В статье 1927-го г. «Веяние смерти в предреволюционной литературе» наиболее развернутый творческий портрет Горького дан в тонах творческой «безнадежности»:

«Особенно, может быть, интересен Горький. По природе своей это писатель восходящей линии, писатель, который в благоприятной исторической обстановке мог бы сыграть роль положительную и творческую. В его ранних вещах был дух настоящего героизма (особенно “Двадцать шесть и одна”, одно из самых возвышенных и возвышающих созданий русской литературы), но героизм этот, за неимением прочных корней в жизни, скоро выветрился. С 1900 года, приблизительно, начинаются шатания Горького, до сих пор не кончившиеся. Страстная жажда веры и трагическое неумение найти ее – вот смысл жизни Горького. “Безнадежный роман с культурой”, кто-то сказал о нем. “Безнадежный роман с идеей”, было бы гораздо верней. Грех Горького в том, что, никогда ни во что не умея поверить, он говорил и делал, как будто бы верил. Трагедия Горького в том, что, имея огромные творческие возможности, он не мог для них найти точки приложения, – и его творчество, при всей своей значительности, поражает своей ненужностью» (с. 161).

К последнему умозаключению критик делает примечание: «Впрочем, еще возможно, что Горький, как бы случайно, и не совсем

по праву сыграл значительную роль в создании возникающего культурного типа русского рабочего» (с. 161).

Однако в «Критических заметках» за тот же 1927 г. Мирский неожиданно меняет отношение к Горькому. Здесь уже нет и намека на случайность и бесцельность его таланта. Напротив, в критическом сознании Мирского Горький «на пятом десятке ... вырос и окреп» (с. 165). Поводом к такой резкой смене позиции стало для критика знакомство с романом «Дело Артамоновых», анализу которого он посвящает большую часть заметок, ставя его в ряд с такими произведениями, как «Обломов» Гончарова, «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина, «Деревня» Бунина. В «мучительных» и «неуклюжих» исканиях правды героев Горького: горбуна Кузьмы и дворника Тихона – критик находит оправдание «безнадежным блужданиям» самого писателя:

«Кажется, что в них Горький вложил всю мучительную историю собственных исканий, самую трагическую по своей беспомощной безнадежности драму русской души. Этим безнадежным блужданием Горький несомненно несет крест за всех нас, скудоверов, толкунов на месте и Хлестаковых духа, и в выявлении наружу этой драмы – символическое значение его личности» (с. 166).

В статье 1931 г. «Периоды русской литературы» Горькому уже отводится первое место в среде старшего поколения современных литераторов, родившихся «около 1870 г.», культурно близких «поколению Чернышевского и Добролюбова» (с. 237). Дата 1870 г. как поколенческий водораздел, по-видимому, возникает в рассуждениях Мирского неслучайно: в 1931 г. он активно работает над написанием книги о Ленине, год рождения которого – 1870. Сближение Горького, родившегося в 1868 г., с Лениным, вероятнее всего, имеет под собой, помимо литературно-критических, чисто прагматические задачи: в это время Мирский готовит свое возвращение в СССР при содействии Горького. Книга же о Ленине, выхода которой он с нетерпением ожидает, – повод к тому, чтобы привезти ее в дар стране, вернувшись, по его собственным словам, не с пустыми руками. Под названием «Lenin: Makers of the Modern Age» биография Ленина вышла в 1931 г.

в Лондоне [Mirsky 1931]. Репатриация и Горького, и Мирского осуществилась осенью 1932 г.

Утверждением «Горький – крупная фигура» (с. 237) критик подводит черту под восприятием первого советского классика в своих статьях эмигрантского периода.

Личное знакомство Горького и Мирского произошло в 1928 г. в Сорренто на Рождество, о чем он с благодарностью писал по возвращении в Лондон:

«Дорогой Алексей Максимович, я с отъездом все собираюсь написать Вам и все не могу найти подходящих слов, чтобы сказать, каким огромным благодеянием была для меня встреча с Вами. Так, вероятно, и не найду, но у меня чувство, как будто бы я был не в Сорренто, а в России, и эта побывка в России меня страшно выпрямила. И нет, наверное, другого такого человека, который бы так носил в себе Россию, так, как Вы, и не только Россию, но и то, без чего Россия быть не может, – человечество. Мне даже стыдно, что мы такими упырями сидели на Вас и пили Вашу русскую и человеческую кровь, и только уверенность, что ее в Вас хватит и на нас, позволяет не слишком каяться. Уходя от Вас, Сувчинский сказал мне: „А вот Толстого мы никогда не видели“. Только о Толстом мы и могли вспомнить. Но Вы больше русский, больше „представляете собой“ Россию, чем Толстой. Главное же, я понял то чувство любви, которое так неизменно сохраняют видевшие Вас (по крайней мере, кого я встречал). Простите, что пишу с чрезмерной сентиментальностью. Но я не умею выразить то чувство любви и благодарностей, которыми Вы меня наполнили» [см.: Бирюков].

Всего в эмигрантский период Мирским написано двенадцать писем Горькому, где основными темами были восхищение его талантом и человечностью и благодарность за участие в его судьбе с выражением надежды на помощь в репатриации в Советский Союз. После возвращения им были посланы Горькому лишь четыре письма [Прайс, 2015, с. 109]. Факт показательный сам по себе.

Вместе с тем русскому литературному зарубежью персона Мирского была во многом чужда. Родившийся и выросший в аристократической среде, получивший блестящее образование на

родине и сделавший успешную академическую карьеру в Лондоне, князь Святополк-Мирский постепенно отходит от убеждений своего круга, став пропагандистом большевистской России, которая, по его мнению, вышла обновленной после испытания революцией и Гражданской войной.

Не приняло эмигрантское сообщество и инициативу «обобщающих подходов к нынешней России и русскому» [Версты, 1926], предпринятую Мирским в созданном им в 1926 г. совместно с П. Сувчинским и С. Эфроном журнале «Версты». О первом номере журнала пренебрежительно отозвался И.А. Бунин: «Очень неинтересен и очень надоел и Пастернак, о котором уже сто раз успел сказать Святополк-Мирский: „Вся прошлая русская литература – гроб повапленный, и вся надежда русской литературы теперь в Пастернаке и Цветаевой!“ Бабель тоже ценность и новинка не Бог весть какие. Вот разве Сельвинский и Артем Веселый? Но и у них – непроходимая зеленая скука!» [Возрождение, 1926]. В том же 1926 г. Г. Адамович критически высказался по поводу устроенной «Верстами» лекции Мирского «Культура смерти в русской литературе»: «Слушая кн. Святополка-Мирского, казалось, что сидишь в каком-нибудь захолустнейшем пролеткулете, где лектор избочивает гнилую буржуазную культуру. Его единственный тезис был оттенка явно марксистского, а развитие тезиса рассчитано на довольно-таки тупоголовые “широкие массы”» [Адамович, 2015, с. 310]. Всего вышло три номера журнала «Версты», закончившего свое существование в 1928 г.

Итогом продолжавшейся несколько лет полемики стала изоляция Мирского от эмигрантского культурного истеблишмента. «После 1929 г. Мирский больше не печатался в эмигрантских изданиях» [Смит, 2014, с. 19]. Сложившаяся ситуация, несомненно, подстегнула его желание оставить эмиграцию, подогрев и его веру в новую Россию. В 1930 г. в письме Горькому он определенно выразил свои политические воззрения и намерения:

«во-первых, меня двигает не советский патриотизм, а ненависть к буржуазии международной и вера в социальную революцию всеобщую; и во-вторых, ... я совсем не хочу быть советским

обывателем, а хочу быть работником ленинизма. Коммунизм мне дороже СССР» [см.: Смит, 2014, с. 19].

Газета «Дейли уоркер» 30 июня 1931 г. напечатала признания Мирского «Почему я стал марксистом»:

«Помощь пришла ко мне по трем главным направлениям. – Первым источником ее была опять-таки советская литература, в которой пролетарские произведения стали вытеснять писания полубуржуазных писателей первого периода нэпа. Особенно полезной оказалась для меня книга „Девятнадцатый“ <Разгром> Фадеева (в английском переводе Мартина Лоуренса). Она явилась для меня откровением в смысле раскрытия умонастроения и этического уровня коммунистических бойцов. Личное знакомство с Максимом Горьким ... тоже произвело на меня мощное впечатление» [см.: Бирюков].

Прошение Мирского о предоставлении ему советского гражданства было удовлетворено. Однако после приезда в Советский Союз он очень скоро понимает разницу между публичной деятельностью в эмиграции и в советской стране, между официальной риторикой СССР и реальным положением дел. «То, что в эмиграции было острой и порой язвительной критикой (часто не без личных колкостей), но не могло иметь подлинно серьезных последствий (ведь всегда можно было перейти в альтернативные печатные издания, даже создавать свои), в СССР было трудноотделимо от политического доноса. Последствия могли быть пагубными в самом серьезно смысле слова; разумеется, в обстановке партийной монополии не было никаких настоящих альтернатив. <...> Критик как индивидуальный человек беспомощен, правда дана извне» [Смит, 2014, с. 21].

Мирский довольно быстро усваивает советскую литературно-критическую манеру высказывания. Вновь появляется на страницах его статей и имя Горького – теперь уже в ореоле творческого величия. Так, в рецензии «Два спектакля: “Вершины счастья” Дос-Пассоса в Камерном и Театре ВЦСПС» 1934-го г. Мирский говорит о Горьком как о «величайшем нашем драматурге», почти единственном, идущем «от действительности к обобщению, а не от обобщения к

действительности» (с. 252). Здесь уже нет и намек на бесцельность и безыдейность творчества писателя. В следующем году выходят «Заметки о Толстом», где Горькому отводится место, по масштабу сопоставимое с Бальзаком по уровню обобщения «целого капиталистического общества» (с. 298), чего, с точки зрения Мирского, не в силах был сделать ни один русский писатель по причине «отсталости» «русской действительности» XIX в. (с. 298).

Приведенные материалы дают основание к тому выводу, что творческая личность Горького вырастала в критическом сознании Мирского по мере того, как росла его роль в решении судьбы Мирского. Горький действительно не оставлял его своим попечением после репатриации в СССР: привлекал к участию в советских изданиях, к работе над историей фабрик и заводов, к подготовке книги о Беломорканале, где Мирский написал часть главы «ГПУ, инженеры, проект». В 1935 г. под их общей редакцией вышла книга о Высокогорском железном руднике под названием «Были горы Высокой». Всего с 1932 по 1937 гг. Мирский напечатал в советских изданиях около 100 статей и рецензий.

В усвоении советской публицистической риторики Горький также сыграл для Мирского не последнюю роль, о чем свидетельствует, например, статья «Поэты и критики», опубликованная в «Литературной газете» за 15 ноября 1935 г. В ней Мирский пишет о тяжелом положении с поэзией «в прошлом году»:

«Намечалось очень неправильное, во всех отношениях вредное направление (я имею в виду все то, что концентрировалось вокруг имени Павла Васильева). Сейчас это направление, мне кажется, изжито)...» (с. 321).

Но именно «в прошлом году» «Литературная газета» в номере за 14 июня опубликовала статью Горького «Литературные забавы», продублированную в номерах «Правды», «Известий», «Литературного Ленинграда» за то же число [см.: Коростелев, Ефимов, 2014, с. 510], где указывалось, что некие анонимы «жалуются, что поэт Павел Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил Сергей Есенин. Но в то время, как одни порицают хулигана, – другие восхищаются его даровитостью, ”широтой натуры”, его ”кондовой мужицкой силищей”

и т.д. Но порицающие ничего не делают для того, чтоб обеззаразить свою среду от присутствия в ней хулигана, хотя ясно, что, если он действительно является заразным началом, его следует как-то изолировать. А те, которые восхищаются талантом П. Васильева, не делают никаких попыток, чтоб перевоспитать его. Вывод отсюда ясен: и те и другие одинаково социально пассивны, и те и другие по существу своему равнодушно "взирают" на порчу литературных нравов, на отравление молодёжи хулиганством, хотя от хулиганства до фашизма расстояние "короче воробьиного носа"» [Горький, 1934].

Далее в той же форме публичного доноса Горький пишет:

«Несомненны чуждые влияния на самую талантливую часть литературной молодёжи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова всё более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг. Но известно, что со Смеляковым, Долматовским и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархо-индивидуалистической самовлюблённости, и поведение Смелякова всё менее и менее становится комсомольским» [Там же].

В контексте растиражированной формулы Горького «если враг не сдаётся – его уничтожают»¹ его статья становится равнозначной приговору. Думается, что она во многом послужила

¹ Статья под таким названием была опубликована 15 ноября 1930 г. сразу в двух центральных газетах: в «Правде» и в «Известиях» – в последнем случае в несколько изменённом варианте: «Если враг не сдаётся, – его истребляют». В том же 1930 г. вышли два издания: отдельная брошюра под названием «Если враг не сдаётся – его уничтожают» и сборник публицистических статей Горького с тем же названием. Полностью фраза звучит так: «Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей; и это даёт нам право считать себя все ещё в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдаётся, – его истребляют» [Правда, 1930].

тому, что в январе 1935 г. П. Васильев был исключен из Союза писателей, а в июле арестован¹ как «злостный хулиган» после майского «Письма в редакцию» газеты «Правда», подписанного творческими именами, среди которых были друзья поэта: Борис Корнилов, Иосиф Уткин, Семён Кирсанов, Николай Асеев [см.: Антонов], по-видимому, поспешившие после статьи Горького «отмежеваться» от попавшего в опалу П. Васильева². Письмо подхватывает аргументацию Горького:

«В течение последних лет в литературной жизни Москвы почти все случаи проявления аморально-богемских или политически-реакционных выступлений и поступков были связаны с именем поэта Павла Васильева...

Последние факты особенно разительны. Павел Васильев устроил отвратительный дебош в писательском доме по проезду Художественного театра, где он избил поэта Алтаузена, сопровождая дебош гнусными антисемитскими и антисоветскими выкриками и угрозами расправы по адресу Асеева и других советских поэтов. Этот факт подтверждает, что Васильев уже давно прошёл расстояние, отделяющее хулиганство от фашизма...

Мы считаем, что необходимо принять решительные меры против хулигана Васильева, показав тем самым, что в условиях советской действительности оголтелое хулиганство фашистского пошиба ни для кого не сойдёт безнаказанным...» [Правда, 1935].

Статья Д. Мирского, таким образом, встраивается в этот ряд социальной и идеологической хулы на талантливого поэта, причем, в то время, когда П. Васильев уже арестован. О том, что Мирский знает о его аресте, намекает высказывание из его статьи: «Сейчас это направление, кажется, изжито». Видимо, надеясь на авторитет Горького, он пытается выступить его критическим эхо, страхуя себя самого от возможных нападков того же рода. Но, как верно отмечает в рецензии на цитируемый сборник статей Д. Мирского Е. Илларионова, впервые по-настоящему страх за собственную дальнейшую судьбу

¹ Возможно, статья Горького послужила поводом и к первому аресту Яр. Смелякова в 1934 г.

² Б. Корнилова письмо, однако, не спасло от ареста и расстрела в 1938 г.

возникает у него после смерти Горького [см.: Илларионова], о чем могут свидетельствовать помещенные в сборник два некролога: «Великий инженер социалистических душ» и «Первый художник пролетариата». Первая была опубликована в «Литературной газете» за 20 июня 1936 г., вторая – в «Известиях» за 21 июня 1936 г., т.е. на второй и третий день после смерти писателя. В первой статье, говоря о Горьком как «о великом художнике» «великом строителе новой социалистической культуры», «великом трибуне», Мирский неоднократно апеллирует к имени Сталина. Авторитетом первого человека страны он словно пытается заковать собственную судьбу, отодвинуть надвигающуюся катастрофу:

«Горький ... Живое звено между искусством классиков и новым искусством социалистического человечества, живой символ того, что единственный путь от лучших достижений прошлого идет в мир, который строят трудящиеся великой советской демократии, руководимые Сталиным.

Горький – человек нашего, сталинского времени, пионер социалистического гуманизма» (с. 339).

Вторая статья выдержана в той же утвердившейся стилистике славления пролетарской революции и ее великих деятелей, где Горькому отведено первое место среди «художников пролетариата», и критических нападок на «буржуазную русскую литературу» как изменницу реализму и восприемницу «декадентских литератур Европы» (с. 340). Обилие усиливающих смысл высказывания приемов, прежде всего повторов ключевых слов, может свидетельствовать о силе надвинувшегося на Мирского страха за собственную жизнь. Тревога оказалась небезосновательной. Чуть больше чем через два месяца, а именно 28 августа 1936 г. в главной газете страны «Правде» была опубликована критическая статья Д. Заславского «Рекорды критика Мирского», поводом к чему послужили два его материала: статья «Проблема Пушкина», опубликованная в 16–18 номерах «Литературного наследия», и ответ «Моим критикам» в «Пушкинском временнике» [Пушкин, 1936, с. 262-264]. Как пишет в своем покаянном «Письме в редакцию» Д. Мирский, резкую отповедь Заславского вызвали «развязный и недостаточно ответственный тон»

его ответа критикам, недостаточная продуманность основной проблемы классического наследства, «неразрывности высших художественных достижений прошлого с содержанием, которое не только исторически прогрессивно для своего времени, не только не теряет своей ценности для социалистического человечества, но в полной мере раскрывается только при социализме» (с. 358). Обвинения потребовали от Мирского публичного покаяния, что он и вынужден был сделать, опубликовав в «Литературной газете» за 5 сентября 1936 г. «Письмо в редакцию». Как и многие его современники, Мирский не мог не признаться в несовершенных творческих грехах, пытаясь вступить, говоря словами Адамовича, в «сепаратные отношения с судьбой» [Адамович]. Письмо написано в духе характерных для 1930-х гг. публичных покаянных речей творческих личностей, признающих свои ошибки и уверяющих власть и общественность в правоверном служении и намерении исправления в соответствии с заданными идеологическими императивами.

Здесь любопытно сравнить интонацию этого «Письма в редакцию» с интонацией «Письма в редакцию “Звена”», написанного Мирским в эмигрантский период – в 1926 г. Прочитируем его полностью:

«Милостивый государь, господин редактор!

В последнем номере “Звена” напечатана “литературная заметка” Г. Адамовича о моем докладе “Культура смерти в предреволюционной литературе”. Я не собираюсь возражать против суждений г. Адамовича обо мне и о моем докладе, наоборот, я их приветствую, так как именно таких суждений я и ожидал. Особенно же меня обрадовал открытый г. Адамовичем “явно марксистский оттенок” моего тезиса. В какой мере г. Адамович “не преувеличивает” в своем резюме схематичности и прямолинейности моего доклада, могут судить все, бывшие на докладе. Повторять здесь то, что я действительно говорил, у меня нет места. К тому же доклад будет напечатан в следующем номере “Благонамеренного”. Отмечу только одно характерное искажение моих слов г. Адамовичем. Говоря о новом духе в русской поэзии, я назвал *четырёх* поэтов, в которых, по моему мнению, этот дух особенно ясно выразился: *Гумилева*, Маяковского, Пастернака и Цветаеву, и из этих четырех больше всего говорил именно о Гумилеве. Г. Адамович называет только трех последних и имя Гумилева опускает вовсе. В

связи с его указанием на мой “явный марксизм” и со сравнением моего доклада с изобличением гнилой буржуазной культуры в “захолустнейшем пролеткульте”, – такое умолчание, очевидно, не случайно.

Примите уверение в отличном моем к вам уважении.

Кн. Д. Святополк-Мирский» (с. 154)¹.

Текст этого письма показывает, что, занимая в эмигрантской критике позицию «enfant terrible» (Адамович)², дающую внутреннее право идти вразрез с основным направлением, не принимающим марксистской идеологии и игнорирующим советскую литературу, Мирский свободно использует приемы публицистической полемики, оставаясь при этом в границах профессиональной этики. На фоне этого письма «Письмо в редакцию», написанное десятилетием позже, служит ярким свидетельством внутренней несвободы Мирского, его духовного и идеологического рабства, «не имеющего никакого отношения к профессиональной полемике, поскольку речь идет о ритуальном жесте – заклятии гибели» [Смит, 2014, с. 21].

Особенно отчетливо утрата личностной и творческой свободы высвечивается на фоне того впечатления, которое произвела творческая личность Мирского эмигрантского периода на такого рафинированного интеллектуала и защитника свободы, как сэр Исайя Берлин, писавшего в рецензии на американское сокращенное издание «Истории русской литературы», созданной критиком в эмигрантский период и ставшей классическим трудом по данной теме:

«Мирский представлял собой уникальное сочетание внутренней свободы, воображения, шарма и острого бесстрашного ума, – был таким человеком, какие рождаются только в моменты, когда старое еще не умерло и новое еще не существует, когда между поколениями получается разрядка, нагруженная прошлым и беременная будущим» [см.: Смит, 2014, с. 29].

¹ Курсив наш. – *Е.Л.*

² Г.П. Струве называл это свойство натуры Мирского «духовным озорством» [Струве, 1966, с. 64].

В концепции свободы И. Берлина есть парадоксальное на первый взгляд положение о том, что выбор между свободой и несвободой должен быть свободным [Берлин, 2001, с. 5]. Однако, как показывает последний период жизни кн. Д. Святополк-Мирского, советская реальность не давала возможности осуществиться даже такому варианту свободы. Лишившись после смерти Горького своего главного гаранта, Мирский, несмотря на активную художественную и публицистическую деятельность, был арестован в 1937 г. по подозрению в шпионаже и сотрудничестве с британской разведкой. «С февраля 1937 имя Мирского начинает появляться на страницах центральных советских газет в угрожающем контексте (см., например, анонимную статью «О политической поэзии» – Правда. 1937. 28 февр. С.4), а в середине мая тональность его упоминаний явно предвещает скорый и неминуемый арест (В. Кирпотин. Троцкистская агентура в литературе // Правда. 1937. 17 мая. С.4)» [Зубарев]. Поводом к аресту послужила встреча Мирского с английским другом, историком Е.Х. Карром. При посещении Ленинграда Карр «столкнулся с Мирским и, не обращая внимания на отчаянные попытки последнего сделать вид, что они не знакомы, уговорил его пообедать вместе. Общение с иностранцем послужило предлогом для обвинения в шпионаже» [Илларионова]. Пробыв в лагере под Магаданом чуть менее двух лет, Святополк-Мирский умирает в лагерном пункте «Инвалидный» Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря [Смит, 2014, с. 21–22].

В загадочности судьбы кн. Д. Святополк-Мирского сходятся практически все исследователи его жизни и творческого наследия. Вот, например, как размышляет об этом поэт и литературовед В. Козовой, хорошо знавший П.П. Сувчинского, соратника Мирского по евразийскому движению и его соредактора в журнале «Версты»:

«Каким образом этот блестящий, разборчивый и неуступчивый, критическим духом пронизанный человек, за пять-шесть лет ”преодолев” евразийство (которое, по формуле его друга Сувчинского, ставило своей целью ”преодоление революции”), сумел втиснуть себя не просто в ортодоксальные, но в самые узколобые, прагматически-корыстные рамки ленинско-сталинского марксизма? Так ослепнуть перед тамошним режимом в один из самых чудовищных его периодов? Дело тут все-таки не в полемическом

задоре и не в неприятии "затхлой" эмиграции, которой ничего будто бы больше не оставалось, как "тосковать по березкам". Какая-то узколобость, при всей широте интересов, была заложена в этот незаурядный ум. Он ведь в Советском Союзе стал видным критиком "вульгарно-социологического" уклона, который тогда господствовал и уклоном вовсе не считался. Конечно, сыграли свою роль мировые потрясения той эпохи (действительно переломной), мощное левое поветрие в среде западной интеллигенции, пережевываемые на все лады тезисы о "закате" европейской – или, по Трубецкому, романо-германской – культуры. На этом фоне советская Россия кому-то казалась воплощением незыблемости (почти тютчевский "утес"), а при усвоении кое-каких простейших идеологических схем – и залогом будущего. Тем более что настоящее "молодой советской литературы" представлялось Мирскому невероятно богатым и многообещающим, в отличие от обреченной на доживание литературы в эмиграции. Однако все это еще не объясняет характера личного выбора...» [Петр Сувчинский... 1999, с. 27-28].

Возможно, к разрешению загадки послужили бы письма к Мирскому Горького. Но они не сохранились, как и часть архива и переписки Мирского, что, вероятно, связано со сложностями его возвращения в СССР. Такую версию выдвигает в своей статье Н.Ю. Прайс [см.: Прайс, 2015, с. 107]. Однако сохранилось воспоминание П. Сувчинского о первой встрече его и Мирского с Горьким в Сорренто: «Горький уговаривал нас ехать в Россию: "Я вас устрою", и он убедил Мирского и меня» [Лосская, 1992, с. 206]. Сувчинского все-таки Горькому «устроить» не удалось, что в итоге и спасло ему жизнь.

Можно, таким образом, заключить, что в сознании критика Д. Мирского Горький остался образцом советского писателя и общественного деятеля. В судьбе же князя Д. Святополк-Мирского Горькому оказалась отведена двойная роль: благодетеля и невольного виновника ее трагической развязки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамович, Г. Собрание сочинений: в 18 т. – Т. 2. Литературные беседы («Звено»: 1923–1928) / Г. Адамович. – Москва: Изд-во Дмитрий Сечин, 2015. – 775 с.

Адамович, Г. *Одиночество и свобода.* [Электронный ресурс] / Г. Адамович. – URL: <http://fanread.ru/book/5956188/?page=3> (15.12.2016).

Антонов, В. «Про меня ж, бедового, спойте вы...». [Электронный ресурс] / В. Антонов. – URL: <http://www.vilavi.ru/sud/171009/171009.shtml> (14.12.2016).

Берлин, И. *Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинды / И. Берлин.* – Москва: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.

Бирюков, А. *Последний Рюрикович* [Электронный ресурс] / А. Бирюков. – URL: http://www.belmamont.ru/index.php?action=call_page&page=product&product_id=344 (02.02.2017).

Версты. 1926. – № 1. Париж. 1926. 269 с.

Возрождение. – 1926. – 5 авг.

Горький, М. *Литературные забавы // Литературная газета.* – 1934. – 14 июня.

Илларионова, Е. *Трагическое возвращение: Д. Мирский в Соединенном Королевстве и в Советском Союзе.* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6188> (14.12.2016).

Коростелев, О., Ефимов, М. *Примечания // Мирский Д. (Дмитрий Петрович Святополк-Мирский). О литературе и искусстве. Статьи и рецензии. 1922–1937 / Сост., подготовка текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступит статья Дж. Смита.* – Москва: Изд-во НЛЮ. – 2014. – С. 372-572.

Зубарев, Д. *Предисловие // Зубарев Д., Святополк-Мирский Д. Князь и вождь.* [Электронный ресурс]. – URL: http://scepisis.net/library/id_3720.html (02.02.2017).

Лосская, В. *Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников.* – Москва: Культура и традиции. – 1992. – 348 с.

Мирский, Д. *Литературно-критические статьи / Сост. М.В. Андронов, И.Н. Крамов, [Л.Н. Чертков]. Вступ. Ст. М.Я. Полякова.* – Москва: Советский писатель, 1978. – 327 с.

Мирский, Д.П. *Статьи о литературе / Сост. М. Андронов. Вступ. статья Н. Анастасьева.* – Москва: Художественная литература, 1987. – 303 с.

Мирский, Д. (*Дмитрий Петрович Святополк-Мирский*). О литературе и искусстве. Статьи и рецензии. 1922–1937 / Сост., подготовка текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступит статья Дж. Смита. – Москва: НЛО. – 2014. – 608 с.

Перхин, В.В. Одиннадцать писем (1920–1937) и автобиография (1936) Д.П. Святополк-Мирского (к научной биографии критика) // Русская литература. – 1996. – № 1. – С. 235-262.

Петр Сувчинский и его время / Редактор-составитель Алла Бретаницкая; Консультант Вадим Козовой. – Москва: Композитор. – 1999. – 456 с.

Правда. – 1930. – 15 нояб.

Правда. – 1935. – 24 мая.

Прайс, Н.Ю. Эпистолярное наследие Д.П. Святополк-Мирского: результаты изучения, новые разыскания (медийный аспект) // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 107-115.

Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. – 1936. – [Вып.] 1. – С. 262-264.

Смит, Дж. Параболы и парадоксы Д. Мирского // Мирский Д. (*Дмитрий Петрович Святополк-Мирский*). О литературе и искусстве. Статьи и рецензии. 1922–1937. / Сост., подготовка текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова. – Москва: Изд-во НЛО. – 2014. – С. 5-30.

Струве, Г.П. Русская литература в изгнании: 3-е изд., испр. и доп.; Краткий биографический словарь Русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. – Москва: Русский путь. – 1996. – 448 с.

Mirsky D. Lenin: Makers of the Modern Age London: The Holme Press. – 1931. – XII. – 226 p.